

ПРЕДИСЛОВИЕ к роману «Свет и тьма мир», который я написала в 60—64 годах, начиналось так:

— На этой старой, на этой любимой, на этой безумной и сумасшедшей Планете есть ли такой человек, который бы не слышал о стране Армянской, о ее синих горах, скалах-твердых, об озере Севан, лежащем выше гор, в объятиях гор, о четырехглавом Арагаце, о гордливой горе Арарат и о том маленьком, древнем городе, который когда-то назывался Гюмри, когда-то Александрополь, а теперь — Ленинкан.

Самое близкое, очень своеобразное, находящееся на высоте 1800 метров выше уровня моря, спящий городок — Гюмри — белыми зимами, с фиолетовыми тенями, летом они украшены изумрудной зеленью и красочными камнями, а осенью — они желтые-желтые, золотистые.

Город, известный своим поэтами, обладающими божественным даром, сонетами, песнями, гусанами, певичками, музыкантами, художниками и танцовщицами, остроумными Полос Мукучем, множеством чудесных ремесел, ювелирами и кузнецами, вселившем в шутками жителей, безграмотным гостеприимством, казармами, построенными русскими царем, Полином, Черной Башней, Казачьим Постом, железной дорогой, тянувшейся в Ереван, Керб, Тифлис, садом Софий (Ой, ой, ой! Тысяча извинений! К саду Софий и к нижеупомянутому русскому царю никакого отношения не имел), уцелевшим Черки, Арпачей, величественным храмом Спасителя (который тогда-то похоронен на Кафедральном Соборе, построенный архитектором Трдатом в 989—1001 г. в древней столице Армении — Ани), церковь «Семь ран» и другими величественными церквями, музеевыми обитателями

Даточенцы, роскошными зданиями «Кинематографа», театром, называвшимся «Слово», русской церковью «Пиллаи», домами, украшенными изысканной резьбой, воротами, сплетенными металлическими кружевными прутьями, оградками, балконами, зелеными и красными водосточными трубами с жестяными кроликами, банями с круглыми куполами, накрепчайшими мостами, источниками воды с каменными изображениями креста, пестрым базаром, парками «Орки сада» и «Боши сада», кулерами-шутниками на сверкающих фазонах с красными колесами, автомобилем «Эмэдин» (так и не удалось выяснить, кому принадлежала эта чудо-машина), красивой площадью, из которой излучались семь улиц, и одна из этих улиц (самая длинная) вела к... величественному кладбищу.

Колокольни церквей были

очень-очень высокие, и печальным армянским звоном колоколов словно опускался с неба на землю, простирался далеко-далеко над полями и затахал, как по ту сторону зубчатого горизонта.

Для благочестивых горожан это был родной и святой закон, бравший начало из глубин тысячелетий, несший на своих звенящих крыльях дух предков, душу, несший историю, укра-

ского народа, который потряс

нашу Планету.

Это была стихия, разрушавшая не только Ленинкан, но и Кировакан, Спитак, Степанаван — эти красивые города и множества благоустроенных сел горного армянского края. Стихия, которая отняла у горстичного армянского народа тысячи и тысячи таких дорогих жизней.

8 декабря я была в Ле-

нинкане. Везли привезенные к нашей машине два гроба...

Об остальных еще не знали...

Нет, не могу, не нахожу в себе столько сил рассказывать обо всем, что мне довелось увидеть в этот день в моем родном городе.

20 декабря я опять была в Ленинкане. Весь мир был уже там. Я видела людей, приехавших со всех концов мира оказывать помощь несчастному армянскому народу. Видела прозванную «треугольником» часть города, которая превратилась в ужасную гряду развалин. Видела руины швейной фабрики им. Чкалова, из-под которых русские солдаты вытаскивали мою сестру, с окровавленной головой и поврежденными ногами, орденосица Асю Петросян, которая, забыв о собственном боли, плакала о погибших товарищах и о своей... погибшей фабрике. Везде работали на эту фабрику она пошла во время войны, в 15 лет, и работала там 45 лет. Семьи у нее не было, и фабрика была ее семьей и вторым домом. Видела, как медсестра из близлежащей школы, Вардуси Кирикян, прижавшая губами к губам молодой женщины, которую достали из-под развалин швейной фабрики, пыталась вдохнуть жизнь в уже мертвое тело. Видела страшные развалины высотного здания на улице Ширакци, под которыми остались жена моего двоюродного брата со своей молодой невесткой... бедняжки только получили четырехкомнатную квартиру, только начали жить... Видела руины того предприятия, где погибла моя двоюродная сестра, моя тихая, скромная, моя красивая Нина.

Видела, как до основания была разрушена средняя школа № 9, которая в годы войны служила госпиталем, где я, семнадцатилетняя медсестра,

ного третьеклассника, и спас

свою и его жизни. Меня

ошеломило тот уравниловный

рассказывал о том, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

бирался до дома, как он до-

только что окончившая курсы при Красном Кресте, прове-

ла без сна столько ночей, сиди

ла в постели тяжело раненных.

Сколько, стоящим на пороге

смерти воинам, отдавая я кровь,

чтобы спасти их юные жизни.

Я видела Чачика Ованесяна,

одного из немногих оставшихся

в живых участников 8-го клас-

са, который выпрыгнул из окна

на со второго этажа падающе-

го дома, держа на руках од-

ного двоюродного брата

Гагика Татевосяна, двенадча-

тилетнего армянина, спасти не

смогли. Потом я видела Татевосяна Гагика в диагностическом центре, открытом с помощью французов и бельгийцев. Видела Шарля Азнавура, который присутствовал на церемонии открытия.

Видела, много чего видела...

Видела, как была разрушена

церковь Спасителя, которую я

описала в романе «Свет и тьма

мира», с гордостью и нем рас-

сказав, что, когда ее хотели снести, гюмрийцы

забунтовались. Они боролись

и не позволили разрушить свое

величественное Спасителя. Сердце мое чуть не разо-

валось, когда я увидела церковный купол, увенчанный

крестом, упавший на бок, словно мученик... Я видела,

что какой-то молодой грузин,

опустившись среди руин на

колени, боролся, сдерживая

слезы, какие-то слова. Я не

понимала, что он говорит, из

слов до меня лишь доносило

знакомое, очень знако-

мое слово:

— Генацвале... Генацвале!

Он говорил так опечаленно,

словно перед ним был не купол

разрушенной церкви, а родной

ему, тяжело раненный человек,

словно он не пыл вытирал с креста, а кровь с

плеча раненого.

— Генацвале! Генацвале!

Из моих глаз лились горькие

слезы. И я, стоя среди разва-

линь церкви Спасителя, с ще-

мными по всем погибшим

ленинканцам сердцем, прокли-

нала себя за свое пророчество...

Отсюда бы рука, не пи-

сала б я те строки...

Но... я ведь с чисто ленин-

канской гордостью хотела,

чтобы весь мир узнал о стране

Армянской, о хлебосольном,

веселом, талантливом и

милосердном народе.

Видела, много чего видела...

Видела, как была разрушена

церковь Спасителя, которую я

описала в романе «Свет и тьма

мира», с гордостью и нем рас-

сказав, что, когда ее хотели снести, гюмрийцы

забунтовались. Они боролись

и не позволили разрушить свое

величественное Спасителя. Сердце мое чуть не разо-

валось, когда я увидела церковный купол, увенчанный

крестом, упавший на бок, словно мученик... Я видела,

что какой-то молодой грузин,

опустившись среди руин на

колени, боролся, сдерживая

слезы, какие-то слова. Я не

понимала, что он говорит, из

слов до меня лишь доносило

знакомое, очень знако-

мое слово:

— Генацвале... Генацвале!

Он говорил так опечаленно,

словно перед ним был не купол

разрушенной церкви, а родной

ему, тяжело раненный человек,

словно он не пыл вытирал с креста, а кровь с

плеча раненого.

— Генацвале! Генацвале!

Из моих глаз лились горькие

слезы. И я, стоя среди разва-

линь церкви Спасителя, с ще-

мными по всем погибшим

ленинканцам сердцем, прокли-

нала себя за свое пророчество...

Отсюда бы рука, не пи-

сала б я те строки...

Но... я ведь с чисто ленин-

канской гордостью хотела,

чтобы весь мир узнал о стране

Армянской, о хлебосольном,

веселом, талантливом и

милосердном народе.

Видела, много чего видела...

Видела, как была разрушена

церковь Спасителя, которую я

описала в романе «Свет и тьма

мира», с гордостью и нем рас-

сказав, что, когда ее хотели снести, гюмрийцы

забунтовались. Они боролись

и не позволили разрушить свое

величественное Спасителя. Сердце мое чуть не разо-

валось, когда я увидела церковный купол, увенчанный

крестом, упавший на бок, словно мученик... Я видела,

что какой-то молодой грузин,

опустившись среди руин на

колени, боролся, сдерживая

слезы, какие-то слова. Я не

понимала, что он говорит, из

слов до меня лишь доносило

знакомое, очень знако-

мое слово:

— Генацвале... Генацвале!

Он говорил так опечаленно,

словно перед ним был не купол

разрушенной церкви, а родной

ему, тяжело раненный человек,

словно он не пыл вытирал с креста, а кровь с

плеча раненого.

— Генацвале! Генацвале!

Из моих глаз лились горькие

слезы. И я, стоя среди разва-

линь церкви Спасителя, с ще-

мными по всем погибшим

ленинканцам сердцем, прокли-

нала себя за свое пророчество...

Отсюда бы рука, не пи-

сала б я те строки...

Но... я ведь с чисто ленин-

канской гордостью хотела,

чтобы весь мир узнал о стране

Армянской, о хлебосольном,

веселом, талантливом и

милосердном народе.

Видела, много чего видела...

Видела, как была разрушена

церковь Спасителя, которую я

описала в романе «Свет и тьма

мира», с гордостью и нем рас-

сказав, что, когда ее хотели снести, гюмрийцы

забунтовались. Они боролись

и не позволили разрушить свое

величественное Спасителя. Сердце мое чуть не разо-

валось, когда я увидела церковный купол, увенчанный

крестом, упавший на бок, словно мученик... Я видела,

что какой-то молодой грузин,

опустившись среди руин на

колени, боролся, сдерживая

слезы, какие-то слова. Я не

понимала, что он говорит, из

слов до меня лишь доносило

знакомое, очень знако-

мое слово:

— Генацвале... Генацвале!

Он говорил так опечаленно,